

УДК 316.6

DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-3-294-305

Воспринимаемая дискриминация и стратегии аккультурации через призму человеческих отношений

Ю. А. Поссель¹, П. В. Румянцева^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторах

Юлия Альфредовна Поссель,
SPIN-код: 7889-8669, ORCID:
0000-0002-7633-3077, Scopus
AuthorID 57208203639

Полина Витальевна Румянцева,
SPIN-код: 3577-2230, ORCID:
0000-0002-1871-7697, Scopus
AuthorID 53985200600,
e-mail: polinarum@gmail.com

Для цитирования: Поссель, Ю. А.,
Румянцева, П. В. (2019)

Воспринимаемая дискриминация
и стратегии аккультурации через
призму человеческих отношений.

*Психология человека
в образовании*, т. 1, № 3, с. 294–305.
DOI: 10.33910/2686-9527-2019-1-3-
294-305

Получена 25 июня 2019; прошла
рецензирование 24 августа 2019;
принята 9 сентября 2019.

Права: © Авторы (2019).

Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между воспринимаемой этнической дискриминацией и стратегиями аккультурации, применяемыми русскоговорящими иммигрантами в Финляндии. Объектом исследования являлась именно так называемая «воспринимаемая дискриминация», то есть социальные практики, которые сами мигранты осознают в качестве дискриминационных. Эмпирический материал собирался при помощи глубинного полуструктурированного интервью. Выборку составили 30 человек, переехавшие в Финляндию с территории бывшего Советского Союза и проживающие в новой культуре от 3 до 19 лет. Результаты исследования показали, что большинство респондентов сталкивались с различными формами дискриминации по признаку этничности. В числе основных форм этнической дискриминации удалось выявить следующие: оскорбления, отказ от общения или ограничение коммуникации, более низкие возможности на рынке труда. Как показали результаты исследования, этническая дискриминация охватывает значительный спектр сфер жизнедеятельности иммигранта, проявляясь в различных жизненных ситуациях: в образовательных учреждениях, профессиональном взаимодействии, просто на улице, в сфере обслуживания и в средствах массовой информации. Наиболее часто трансляторами негативного отношения к русскоговорящим жителям Финляндии являются незнакомые люди, просто прохожие. Также достаточно распространенной является ситуация, когда в качестве дискриминирующих субъектов выступают коллеги по работе, одноклассники и однокурсники, работники сферы обслуживания, родственники. Наиболее распространенной стратегией аккультурации русскоговорящих иммигрантов в Финляндии, принявших участие в исследовании, является сепарация (ее используют 46% опрошенных), на втором по частоте встречаемости месте — интеграция (40% респондентов), по 7% респондентов прибегают к таким стратегиям, как ассимиляция и маргинализация. В работе вскрываются связи между этнической дискриминацией и стратегиями аккультурации мигрантов: у русскоговорящих иммигрантов, часто сталкивавшихся с дискриминацией по этническому признаку, наиболее распространенной стратегией аккультурации выступает сепарация; иммигранты, отрицающие опыт переживания дискриминации, чаще всего склонны прибегать к интеграции.

Ключевые слова: воспринимаемая этническая дискриминация, аккультурация, стратегии аккультурации, сепарация, интеграция, маргинализация, ассимиляция, этническая идентичность, русскоговорящие иммигранты.

Perceived ethnic discrimination and acculturation strategies through the prism of human relations

Yu. A. Possel¹, P. V. Rumyantseva^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Authors

Yulia A. Possel, SPIN: 7889-8669,
ORCID: [0000-0002-7633-3077](https://orcid.org/0000-0002-7633-3077),
Scopus AuthorID 57208203639

Polina V. Rumyantseva, SPIN: 3577-2230,
ORCID: [0000-0002-1871-7697](https://orcid.org/0000-0002-1871-7697),
Scopus AuthorID 53985200600,
e-mail: polinarum@gmail.com

For citation: Possel, Yu. A.,
Rumyantseva, P. V. (2019) Perceived
ethnic discrimination and
acculturation strategies through
the prism of human relations.
Psychology in Education, vol. 1, no. 3,
pp. 294–305. DOI: [10.33910/2686-9527-2019-1-3-294-305](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2019-1-3-294-305)

Received 25 June 2019; reviewed
24 August 2019; accepted
9 September 2019.

Copyright: © The Authors (2019).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The article presents the results of the study aimed to reveal the possible connections between perceived ethnic discrimination and acculturation strategies used by Russian-speaking immigrants in Finland. The aim of the research was to study the phenomenon of “perceived discrimination” — social practices that are perceived as discriminative by immigrants themselves. The empirical data was collected by means of a deep semi-structured interview. The sample included 30 respondents who moved to Finland from the former Soviet Union and have lived in new culture between 3 and 19 years. The research results show that the vast majority of the respondents experienced different forms of ethnic discrimination. We have discovered that the most common forms of ethnic discrimination include various forms of verbal abuse, refusal to communicate, and limited employment opportunities. The outcomes of the study show that ethnic discrimination can take place in a wide range of an immigrant’s life situations, including educational institutions, the work place, the service sector, the streets, and mass media. Most common translators of a negative attitude towards Russian-speaking immigrants in Finland are strangers (passers-by), but the list also includes colleagues, fellow-students, service professionals, and relatives. The majority of the respondents chose separation as an acculturation strategy (46% of the respondents), and integration was also frequently chosen (40% of the respondents), while 7% of the respondents chose assimilation or marginalization as their acculturation strategies. The research also revealed connections between ethnic discrimination and acculturation strategies: the immigrants who report high levels of ethnic discrimination tend to resort to the separation strategy, while the respondents who didn’t experience any forms of ethnic discrimination usually gravitate towards the integration acculturation strategy.

Keywords: perceived ethnic discrimination, acculturation, acculturation strategies, separation, integration, marginalization, assimilation, ethnic identity, Russian-speaking immigrants.

Введение

Социальное взаимодействие представляет собой очень широкий конструкт, под которым в самом общем смысле можно понимать процесс жизнедеятельности людей в сообществах (Панфёров 2009, 448). Ключевой особенностью социального взаимодействия является непосредственное или опосредованное воздействие социальных субъектов друг на друга, в котором стороны связаны циклической причинной зависимостью таким образом, что действие одной стороны вызывает ответную реакцию другой, а последняя, в свою очередь, является предметом реагирования для первой и так далее. Субъектами социального взаимодействия на разных уровнях могут выступать как отдельные личности, так и группы различного масштаба. Специфика каждого конкретного варианта социального взаимодействия обусловлена ха-

рактеристиками ее субъектов и ситуационных условий, в которых оно осуществляется. В контексте данной статьи речь пойдет о межкультурном взаимодействии.

Как указывает В. Н. Панфёров, обязательным атрибутом любых форм социального взаимодействия и его основным предметным содержанием выступают человеческие отношения. Человеческие отношения отражают различные субъективные проявления человека в процессах взаимодействия с различными объектами внешнего мира, включая и себя самого. При этом, исходя из данной концепции, в любом социально-психологическом конструкте человеческих отношений можно выделить феномены самоотношения, межличностных и общественных отношений (Панфёров 2009, 451).

Попробуем, отталкиваясь от этих положений, рассмотреть феноменологию дискриминации и аккультурации на эмпирическом материале,

собранном с использованием качественных методов, а также взаимосвязь аккультурационных стратегий и опыта переживания этнической дискриминации, но прежде проведем краткий теоретический анализ этих понятий.

Явления дискриминации и аккультурации, несомненно, относятся к феноменам социального взаимодействия, подразумевая, что последнее выступает по отношению к ним родовым понятием.

Мы предполагаем, что на примере взаимосвязи аккультурационных стратегий и опыта переживаемой дискриминации мы можем обнаружить взаимосвязь различных уровней функционирования человеческих отношений, поскольку и стратегии аккультурации, и переживание дискриминации проявляются как на уровне самоотношения, так и на межличностном и социальном уровнях.

Теоретический обзор

Под этнической дискриминацией в научной литературе обычно понимается негативное поведение, направленное на представителей каких-либо этнических групп. Этот феномен отражает негативное отношение, сложившееся у представителей этнического большинства к иммигрантам, и демонстрирует им непроницаемость социальных границ в принимающем обществе (Bakke, van der Zee, van Oudenhoven 2006).

Как показывают исследования, дискриминация представителей этнических меньшинств является в современной Европе серьезной проблемой, причем особенно часто в качестве объектов дискриминационных практик выступают мигранты (Wrench 2011, 1718).

Представители этнических меньшинств в европейских странах занимают более низкие позиции на рынке труда, и зачастую доступ к оплачиваемой работе и связанным с нею социальным благам для данных групп населения остается закрытым (Kaas, Manger 2012; Tiboulet, Dambrun, Turret et al. 2012; McGinnity, Lunn 2011). Исследователи также отмечают наличие дискриминационных практик на рынке аренды жилья (Hogan, Berry 2011) и в других сферах социальной жизни.

Результаты исследований показывают, что этническая дискриминация и предрассудки играют очень важную роль в процессах аккультурации и адаптации иммигрантов, поскольку они оказывают негативное воздействие на их эмоциональное и физическое самочувствие (Левин, Шилова 2012; Allison 1998; Brown 2001; Jasinskaja-Lahti, Liebkind, Solheim 2009; Jasinskaja-

Lahti, Liebkind, Perhoniemi 2007; Harrell, Hall, Taliaferro 2003; Williams, Neighbors, Jackson 2003).

Выраженный уровень воспринимаемой дискриминации приводит также к таким серьезным последствиям, как повышение риска суицидального поведения (Gomez, Miranda, Polanco 2011), депрессия, стресс, ухудшение состояния физического здоровья (Shin, D'Antonio, Son, Kim et al. 2011). Высокий уровень переживаемой дискриминации связан с понижением уровня социальной компетентности (Myrick, Martorell 2011), а также с повышением враждебности и агрессивности (Borders, Liang, 2011).

Как показывают исследования, выраженность негативного влияния этнической дискриминации находится во взаимосвязи с этнической и национальной идентичностью иммигрантов: сильная связь со своей этнической группой может смягчить негативные последствия дискриминации, а высокая степень идентификации с группой большинства (то есть национальная идентификация) — обострить их (Schaafsma 2011, 790).

Завершая краткий теоретический обзор проблемы этнической дискриминации, необходимо отметить еще один существенный момент, критически важный для пояснения использованного в настоящем исследовании подхода к этому феномену: анализ литературных данных четко показывает, что традиционным объектом социально-психологических исследований дискриминации по признаку этничности является так называемая «воспринимаемая дискриминация» («experienced discrimination»); таким образом, исследователей в данном контексте будут интересовать не «объективно» существующие дискриминационные практики, а особенности взаимодействия с представителями этнического большинства, которые сами иммигранты воспринимают как дискриминационные.

Перейдем теперь к характеристике второго ключевого теоретического концепта, лежащего в основе нашего исследования, а именно аккультурации.

По определению Р. Редфилда, Р. Линтона и М. Дж. Херсковица, под аккультурацией понимаются культурные и психологические изменения, которые происходят у представителей различных культурных групп в результате прямых контактов между ними (Redfield, Linton, Herskovits 1936, 150). Аккультурация рассматривается как феномен, существующий как на групповом, так и на внутриличностном уровне. На групповом уровне процесс аккультурации приводит к изменениям социальных институтов, структур и функционирования культуры в целом.

На индивидуальном уровне она приводит к изменению репертуара поведенческих реакций человека (Berry 2005, 701).

Как отмечает Дж. У. Берри (Berry 2005), стратегии аккультурации состоят из двух взаимосвязанных компонентов: эмоционального (то есть индивидуальных предпочтений человека в сфере аккультурации) и поведенческого (проявляющегося в реальных действиях и поступках человека, находящегося в ситуации межкультурных контактов).

Согласно Берри (Berry 1980), стратегии аккультурации могут быть классифицированы, исходя из двух измерений: степени, в которой человек стремится сохранить (или отринуть) свою родную культуру и идентичность, и степени, в которой человек старается устанавливать и поддерживать контакты с представителями новой для себя культуры, культуры большинства. Стратегия, при которой человек не стремится сохранить собственную культуру и пытается включиться в доминирующую культуру, получила название ассимиляции. Если, напротив, человек направляет свои усилия на сохранение собственной культуры, «отгораживаясь» при этом от культурного влияния большинства, он использует такую стратегию, как сепарация. Если присутствует как желание сохранить связь со своей родной культурой, так и стремление «встроиться» в жизнь большинства, мы имеем дело с интеграцией. Наконец, при маргинализации человек не проявляет большого желания сохранить связь с собственной культурой, но и избегает контактов с большинством (Berry 1980). Существует и другая трактовка маргинализации, согласно которой использующий данную стратегию человек отказывается от своей родной культуры и культуры принимающего общества в пользу какой-либо третьей культуры. Странники данной трактовки подчеркивают, что поведение человека не может оставаться культурно неспецифичным: он все равно будет разговаривать на каком-либо языке (или нескольких языках), есть пищу, принятую в той или иной культуре, и заводить дружеские отношения в той или иной культурной среде (Tartakovsky 2012).

Современными исследователями аккультурация понимается как динамический, многоуровневый и сложный процесс, в ходе которого отдельные индивиды и целые сообщества претерпевают постоянные изменения, причем эти изменения на микроуровне опосредуются социально-экономическими факторами макроуровня, которые могут оказать значительное влияние на характер и скорость протекания

аккультурационных процессов (Lopez-Class, Castro, Ramirez 2011).

Как показывают исследования, интеграция является наиболее часто выбираемой иммигрантами стратегией (Berry, Phinney, Sam et al. 2006; Roccas, Horenczyk, Schwartz 2000), кроме того, именно данный вариант аккультурационного поведения является наиболее предпочтительным с точки зрения психологической и социально-культурной адаптации мигрантов (Sam, Berry 1995).

Детерминанты выбора стратегий аккультурации относятся к дискуссионным вопросам современной психологии. С точки зрения Берри (Berry 2005), выбор аккультурационной стратегии определяется социально-психологическими характеристиками иммигранта, а также аккультурационной политикой принимающего государства. В частности, если в государстве проводится политика мультикультурализма, иммигранты будут скорее использовать интеграцию в качестве собственной аккультурационной стратегии, политика «плавильного котла», в свою очередь, оказывается связанной с ассимиляцией, сегрегация иммигрантов приводит к тому, что они предпочитают сепарацию, исключение их из общественной жизни детерминирует маргинализацию (Berry 2005).

С. Сафдар, С. Кальвес и Дж. Р. Льюис разработали многомерную модель индивидуальных различий аккультурационного поведения, в которой стратегии приспособления к новой культуре рассматриваются как результат взаимодействия трех детерминирующих факторов: психологических ресурсов иммигранта (его стрессоустойчивости, культурной компетентности, социальной поддержки), ощущения интрупповой принадлежности (этнической идентичности, восприятия связи с собственной семьей и своей этнической группой), а также раздражителей, с которыми человек регулярно сталкивается в своей повседневной жизни (Safdar, Calvez, Lewis 2012).

В работе П. Т. Бюргельт, М. Морган и Р. Пернице, посвященной проблеме адаптации в Новой Зеландии иммигрантов из Германии, показано, что аккультурационное поведение в значительной степени обусловлено факторами, сформированными на этапе подготовки к эмиграции (в частности, ожиданиями, мотивацией, надеждами) (Bürgelt, Morgan, Pernice 2008). Значимость предшествующего эмиграции жизненного этапа и сложившихся в течение него личностных особенностей показана и в модели аккультурационного поведения, предложенной Е. Тартаковски (Tartakovsky 2011).

Зависимость аккультурационного поведения от личностных особенностей иммигрантов показана в целом ряде исследований. Установлено, что с интеграцией и ассимиляцией связаны такие характеристики, как открытость изменениям, гибкость, склонность к поиску новых ощущений, высокая самооценка, стрессоустойчивость, в то время как выбору сепарации и маргинализации способствуют ригидность и низкое ощущение собственной эффективности (Tartakovsky 2011).

Литературные данные свидетельствуют о том, что воспринимаемая дискриминация по признаку этнического происхождения оказывается взаимосвязанной с выбором аккультурационных стратегий мигрантов: выраженность воспринимаемой этнической дискриминации негативно коррелирует с приверженностью таким стратегиям аккультурации, как ассимиляция и интеграция, и позитивно — с сепарацией и маргинализацией (Лепшокова, Лебедева 2016; Berry, Phinney, Sam et al. 2011; Jasinskaja-Lahti, Liebkind, Norenczyk et al. 2003; Nesdale 2002).

Объектом нашего эмпирического исследования выступили русскоговорящие иммигранты, проживающие в Финляндии. На сегодняшний день иммигранты из стран бывшего Советского Союза (прежде всего из Российской Федерации и Эстонии) являются наибольшей по численности группой иммигрантов в Финляндии, равной приблизительно 50 000 человек, что составляет 40 % от всех иммигрантов (Yijala, Jasinskaja-Lahti 2010, 327).

Исследователи отмечают, что интеграция русскоговорящих иммигрантов в финское общество происходит со значительными трудностями, такими как безработица и этническая дискриминация. Так, по данным на 2006 год, доля безработных среди иммигрантов из бывшего СССР составляла 35 % (среди трудоспособного населения), в то время как общий уровень безработицы в Финляндии находился на уровне 5 % (Jasinskaja-Lahti, Liebkind, Solheim 2009). По данным опросов населения, выходцы из стран бывшего Советского Союза находятся в Финляндии в числе наименее желательных (с точки зрения большинства) иммигрантов, соответственно, подвергаются достаточно значительной дискриминации (Jasinskaja-Lahti, Liebkind, Norenczyk et al. 2009).

Организация и методы исследования

Выборку исследования составили 30 респондентов в возрасте от 19 до 63 лет (средний возраст 35 лет), переехавших на постоянное место

жительства в Финляндию с территории бывшего СССР. К моменту проведения исследования участники опроса проживали в Финляндии от 3 до 19 лет (средний показатель составил 10 лет). Среди респондентов было 15 мужчин и 15 женщин. Поиск респондентов осуществлялся двумя методами: при помощи объявлений в социальных сетях, а также методом «снежного кома» (при использовании которого принявших участие в исследовании респондентов просили порекомендовать своих знакомых и родственников, которые тоже могли бы дать интервью).

Продолжительность интервью составляла в среднем один час. Запись интервью проводилась на диктофон, а затем подвергалась расшифровке.

Интервью состояло из нескольких содержательных частей, охватывающих такие сферы, как обстоятельства эмиграции, опыт аккультурации, история формирования этнической идентичности, ее нынешнее состояние, поведенческий компонент этнической идентичности, общие сведения о респондентах и т. д. Естественно, в ходе данной статьи мы опишем лишь некоторые полученные в исследовании результаты, имеющие непосредственное отношение к заявленной теме.

Результаты и их обсуждение

Как выяснилось в ходе интервью, половина респондентов переехали в Финляндию в качестве репатриантов, 7 человек были членами семей репатриантов, хотя сами не имели финских корней; 4 человека эмигрировали в результате заключения брака с гражданином Финляндии, а отъезд оставшихся 4 членов выборки был связан с обстоятельствами учебы или работы.

Тема этнической дискриминации затрагивалась в ходе исследования несколько раз (как имплицитно, так и эксплицитно). В первой части интервью мы спрашивали иммигрантов о том, как проходила их первичная адаптация к жизни в новой стране и с какими трудностями они сталкивались. Ряд респондентов начинали говорить о проблеме негативного отношения к русскоговорящим иммигрантам уже на этом этапе беседы. В дальнейшем поднимался вопрос о том, почему русскоговорящие иммигранты в Финляндии часто прибегают к практике сокрытия собственной этнической принадлежности. При ответе на этот вопрос некоторые респонденты признавали, что сами иногда не стремятся активно декларировать свое этническое происхождение, поскольку

Табл. 1. Формы этнической дискриминации, упоминающиеся в интервью русскоговорящих иммигрантов в Финляндии

Формы этнической дискриминации	Частота встречаемости (в %)
Оскорбления, предубеждения, негативные оценки	64
Отказ от общения (или ограничение общения)	16
Трудности в поиске работы	9
Отказ жить в доме, в котором проживают русские	3
Физическое насилие	3
Отказ пропустить в ночной клуб	3

сталкивались с негативным отношением к «русским» со стороны этнического большинства. Наконец, если на описанных выше этапах интервью респондентом не поднималась тема этнической дискриминации, задавался прямой вопрос о наличии опыта ее переживания. Говоря о полученных результатах, отметим прежде всего, что полученные данные свидетельствуют о том, что опрошенные нами иммигранты считают дискриминацию по признаку этничности достаточно широко распространенным в Финляндии явлением. О наличии опыта переживания данного вида дискриминации заявили 22 респондента из опрошенных, что составляет 73% выборки, 8 человек отрицают наличие в их жизненном опыте подобной проблемы.

Этническая дискриминация, с которой сталкивались наши респонденты, принимала различные формы: оскорбления, негативные оценки, трудности при поиске работы и т. д. Частота встречаемости различных форм дискриминации приведена в таблице 1.

Таким образом, наиболее часто встречающейся формой дискриминации, с которой сталкиваются русскоговорящие иммигранты в Финляндии, являются оскорбления, негативные оценки, высказываемые вслух предубеждения. Приведем отрывок из интервью Игоря¹, 47 лет: «Мне однажды сказали на работе прямо в лицо: “Плохая погода идет в Финляндию с Запада, всё остальное дерьмо — с Востока”».

Также достаточно распространенной формой этнической дискриминации, встречающейся в рассказах респондентов, является отказ от общения или ограничение коммуникации после получения информации об их этничности.

Вот пример из интервью Анны, 21 год: «Два года назад я работала... и у нас была женщина уже в пенсионном возрасте, которая категорически не любила только русских. То есть она

была рада обнимать китайцев, тайландцев, кого угодно... Я настолько хорошо говорю по-фински, что часто люди не знают того, что я русская, если я им не скажу. И я работала в том месте две недели, и все было нормально, пока она не услышала, что я говорю по-русски. После чего она ко мне подошла и спросила: “А ты русская?”, я ответила, что да, после чего наши отношения совершенно прекратились, даже просто в какой-то рабочей деятельности... она не подходила ко мне, не смотрела на меня, избегала любым образом, как чумы...»

Похожим опытом делится и Ольга, 33 года: «Я думаю, что, наверное, было со стороны общества давление... Тогда [сразу после переезда в Финляндию] было тяжелее вынести то, что надо было говорить всем, что я русская. Потому что тогда не хотели с тобой общаться... делали большие глаза и уходили, на тебя смотрели [как будто спрашивали], что тебе вообще надо».

Также достаточно распространенной формой дискриминации, которой подвергаются русскоговорящие иммигранты в Финляндии, являются, по мнению опрошенных, более низкие возможности на рынке труда.

Приведем пример из интервью Андрея, 38 лет: «Хорошую работу очень трудно получить; если есть одна вакансия и два человека, претендующих на нее, то возьмут, естественно, местного. Плюс, если, например, работаешь в фирме, где одно количество сотрудников, между которыми нужно распределять задачи, то лучшие “куски” получают местные люди, нам останется то, что останется. Это происходит постоянно».

Не менее интересен вопрос и о том, в каких местах и в каких жизненных ситуациях респонденты сталкиваются с этнической дискриминацией. Как показывают представленные на рисунке 1 результаты, этническая дискриминация охватывает значительный спектр сфер жизнедеятельности иммигранта, проявляясь в различных жизненных ситуациях.

¹ Здесь и далее все имена респондентов изменены.

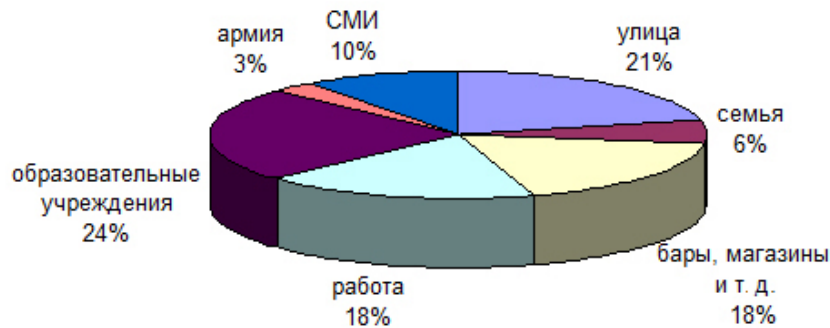

Рис. 1. Частота встречаемости сфер, в которых иммигранты подвергаются этнической дискриминации

На рисунке видно, что принявшие участие в исследовании иммигранты наиболее часто сталкивались с дискриминацией по признаку этничности в образовательных учреждениях. В этой связи упоминались как школы, так и учреждения среднего профессионального и высшего образования. О переживании подобного опыта респонденты рассказывали как в отношении самих себя, так и своих детей.

Вот, например, отрывок из интервью Игоря, 47 лет: «Вот маленький простой пример. Это произошло в девяносто восьмом году. Одиннадцать лет назад. До сих пор меня в покое не оставляет. Тогда в России президентом был Ельцин. Он уже зарекомендовал себя с не очень положительной стороны. У меня ребенок учился здесь во втором классе. Им в школе на уроке сказали, что в России президент — больной и старый пьяница. Тогда меня дома чуть в клочья не разнесло. Восемилетнему ребенку такое говорить! Я понимаю, если бы у них была политинформация, скажем, в старшей школе или лицее, то можно было бы в каких-то корректных формах объяснить. А восьмилетнему ребенку, во втором классе школы говорить такие вещи — зачем? Им про ежиков надо рассказывать, прирождение».

Также достаточно часто с негативным отношением наши респонденты сталкивались просто на улице.

Яркий пример приводит Ирина, 25 лет: «Стоишь на автобусной остановке... стоишь и разговариваешь, нас было три человека. Разговариваешь на русском... К тебе подходит какой-нибудь старикашка, типичный финн. И начинает орать на всю улицу... что вы “рюсся” эти самые, вы тут приезжаете. Мы вас выгнали, а вы оккупировали опять всю Финляндию».

В 18% случаев «площадкой» проявления негативного отношения к иммигрантам становилась работа или предприятия сферы обслуживания (бары, магазины и т. д.).

В качестве примера приведем слова Ларисы, 61 год: «Я так думаю, что в Финляндии не очень любят русских. Я это на себе прочувствовала, потому что я четыре года работала в косметологии, и была там на практике, и видела, как ко мне по-разному относятся. И видела недоброжелательность, потому что я русская. Я это чувствовала».

Также достаточно часто респонденты сталкиваются с предубеждениями и негативными стереотипами в отношении русскоговорящего населения, транслируемыми средствами массовой информации.

Вот отрывок из интервью Игоря, 47 лет: «В финских новостях не проходит дня, чтобы не прозвучало слово “venaja” — Россия, русский. Они постоянно муссируют этот вопрос. В Финляндии муссируется вопрос именно взаимоотношений, причем я несколько раз старался прислушиваться к тем новостям, в которых говорят [о русских]. Почему-то новости всегда имеют негативный подтекст. Мне это очень неприятно, например».

Наконец, остановимся на вопросе о том, кто, по опыту наших респондентов, выступает в качестве субъектов этнической дискриминации. Полученные данные представлены в таблице 2.

Как можно отметить, наиболее часто трансляторами негативного отношения к русскоговорящим жителям Финляндии являются незнакомые люди, просто прохожие. Также достаточно распространенной является ситуация, когда в качестве дискриминирующих субъектов выступают коллеги по работе. Кроме того,

Табл. 2. Субъекты этнической дискриминации, упоминающиеся в интервью русскоговорящих иммигрантов в Финляндии

Субъекты этнической дискриминации	Частота встречаемости (в %)
Просто прохожие	23
Коллеги	20
Одноклассники, однокурсники	14
Продавцы и другие работники сферы обслуживания	8,5
Преподаватели	8,5
Клиенты и покупатели	8
Родственники	6
Работодатели	6
Журналисты	6

наши респонденты сталкивались с негативным отношением со стороны соучеников в образовательных учреждениях разного типа (одноклассников и однокурсников), работников сферы обслуживания и преподавателей. Несколько реже в качестве субъектов этнической дискриминации выступали клиенты и покупатели, родственники, работодатели и журналисты.

Таким образом, дискриминация по признаку этничности занимает достаточно прочное место в картине мира русскоговорящих жителей Финляндии, пронизывая разнообразные сферы их жизни и деятельности. Также стоит отметить, что переживание этнической дискриминации относится как к социальному уровню функционирования человеческих отношений (например, в том, что касается меньшего доступа к рынку труда и другим общественным ресурсам), так и межличностному уровню (в том, что касается опыта межличностных отношений).

Перейдем теперь к рассмотрению аккультурационных стратегий, используемых русскоговорящими иммигрантами в Финляндии. При определении стратегии аккультурации, используемой иммигрантом, мы опирались на такие

данные, как формулирование им своей этнической идентичности, а также меры своей принадлежности к русскому и финскому народу, ощущение завершенности процесса аккультурации (для этого мы задавали респондентам вопрос о том, какую страну они считают своим домом — Россию или Финляндию), круг общения (преобладание в нем финнов или русских), соотношение использования в повседневной жизни русского и финского языков, а также эмоциональное отношение к финскому языку, другие культурные практики (пищевые предпочтения, склонность отмечать финские и русские праздники, чтение периодики и художественной литературы на русском и финском языках, просмотр телевизионных каналов и т. д.).

Согласно представленным на рисунке 2 данным, наиболее распространенной стратегией аккультурации русскоговорящих иммигрантов в Финляндии, принявших участие в нашем исследовании, является сепарация (ее используют 46% опрошенных), на втором по частоте встречаемости месте — интеграция (40% респондентов), по 7% давших интервью прибегают к таким стратегиям, как ассимиляция и маргинализация.

Рис. 2. Стратегии аккультурации, применяемые русскоговорящими иммигрантами в Финляндии

Дополним сведения о распространенности применения различных аккультурационных стратегий примерами конкретных поведенческих проявлений наших респондентов. В частности, к сепарации прибегает Ирина, 25 лет, проживающая в Финляндии 8 лет. Девушка приехала в Финляндию учиться, затем вышла замуж за финна, однако процесс адаптации к финской культуре, по субъективному ощущению респондентки, не завершён: «Я не ощущаю Финляндию и финский народ частью себя. Я вообще никак не принимаю финскую культуру. [Финляндия] в материальном смысле — это мой дом. Но в духовном, в культурном смысле очень далеко от этого».

О своих взаимоотношениях в семье она рассказывает следующее: «Муж — финн, у него свои, финские взгляды на жизнь. Я постоянно их контролирую, ломаю их, потому что у нас в семье все равно идет так, как по-русски должно быть...»

В круг общения Ирины входят как русские, так и финны, но про взаимодействие с финнами она говорит следующее: «[У меня] много даже хороших друзей, знакомых финнов, но я их держу на пионерском расстоянии, скажем так. Я их никогда не подпускаю к себе близко, [потому что] я не знаю, что от них можно ожидать. Они сегодня могут сказать, что “да, мы тебя любим”, а завтра могут воткнуть нож в спину».

Огромное значение для респондентки имеет русский язык, в том числе и изучение русского языка ее ребенком. Вот как она описывает имеющийся в этом отношении опыт: «Если я говорю по-русски, я хочу, чтобы мои дети, мои внуки знали русский язык. Когда [мой] ребенок начал открывать рот, он начал говорить по-фински. Мне было очень обидно. Я его просто отвезла к бабушке на два месяца. После этого только, когда он не слышал финской речи абсолютно, он начал говорить по-русски».

Анна, 21 год, проживающая в Финляндии 12 лет, прибегает к такой стратегии аккультурации, как интеграция. Анна переехала вместе с родителями по программе репатриации людей с финскими корнями, в момент проведения интервью она являлась студенткой. На вопрос о том, как она определяет свою этническую принадлежность, респондентка отвечает следующее: «Я предпочитаю себя видеть между двумя культурами. Я бы не хотела категорически отвергать ни ту, ни другую [культуру], но также, может быть, не полностью принимать все из этих культур. Я, например, категорически против российского национализма, то есть такого патриотизма, который воспитывается. Я не по-

нимаю этого... я хотела бы видеть себя в том, что я беру лучшее из этих двух миров».

Говоря об использовании в своей жизни русского и финского языков, респондентка отмечает: «Я разговариваю со своими родителями на русском языке, у меня много русскоязычных друзей, но если говорить о профессиональной деятельности, об учебе... я училась всю свою жизнь практически на финском языке, с финнами и развивалась в этой сфере... в этом плане [я] больше финка».

Показателен и ответ Анны на вопрос о том, какие праздники отмечаются в ее семье: «Мы празднуем... Новый год, а не Рождество, но... мы празднуем также и Иванов день».

Примеры ассимиляции мы можем найти в интервью Татьяны, 47 лет, которая 18 лет живет в Финляндии, куда она переехала, выйдя замуж за финна. Респондентка отмечает, что считает Финляндию своим домом. Она говорит следующее: «Я уважаю [финские] традиции, [мне ничто не мешает] придерживаться их традиций, их праздников».

По словам Татьяны, в настоящее время она больше использует финский язык, в том числе и при общении с членами своей семьи: «В магазине или где-то... я не стараюсь... говорить [с ребенком] по-русски, просто естественно как-то происходит, что я говорю на финском с ребенком там, где другие финны».

Ощущение связи с Финляндией, финской культурой проявляется у женщины на эмоциональном уровне, она шутит на эту тему: «Вот думаю, что, может быть, я раньше когда-то была финкой. Ну, [это] как реинкарнация, потому что я не чувствую здесь, что я не дома».

Наконец, проявления маргинализации мы можем заметить в аккультурационном поведении Екатерины, 33 года, живущей в Финляндии 12 лет и сменившей страну проживания также по причине заключения брака. Респондентка отмечает, что ей трудно однозначно определить свою этническую принадлежность: «Внутри я себя действительно считаю русской, но я просто уже осознаю и понимаю, что я не тот русский человек, который живет в России, что все равно мои взгляды на жизнь... поменялись. [Общаясь] с финнами, я осознаю, что я и не русская, и не финка, хотя я себя внутренне чувствую русской».

Женщина активно подчеркивает свое отличие от русских туристов, которых можно встретить в финских городах: «Вот они... зимой приезжают, одевают эти шапки меховые и шубы, которые у нас не носят люди. Мы, кто долго живет в Финляндии, финны, привыкли, что [одежда] должна быть легкая... Они все ходят всегда

толпой... Они ходят всегда под ручку... даже если их там двое-трое, они ходят всегда под ручку. У нас в Финляндии мы уже от такого отвыкли, мы не ходим под ручку».

По словам Екатерины, осознание своего «промежуточного» положения между двумя культурами пришло к ней во время поездки в Россию: «Я поехала к подруге в Москву и побывала у нее пять дней, а потом я поняла, что... уже не могу жить в России, потому что быт... и все остальное... совершенно меня не устраивает... Пообщавшись с людьми, я поняла, что я там уже не смогу жить».

Однако при этом респондентка подчеркивает, что в Финляндии чувства дома у нее тоже еще не возникло.

Таким образом, аккультурационные стратегии как социально-психологический феномен, так же как и переживаемая дискриминация, функционирует на различных уровнях построения человеческих отношений: на социальном (в том, что касается выбора различных культурных и этнически окрашенных социальных практик), межличностном (в том, что определяет коммуникативные стратегии мигранта) и на уровне самоотношения (в аспектах построения и трансформации национальной и этнической идентичности).

Для изучения вопроса о связи между опытом переживания дискриминации по признаку этничности и стратегиями аккультурации, применяемыми русскоговорящими иммигрантами, из исходной выборки было выделено две подгруппы: люди, которые сообщали о высоком уровне этнической дискриминации, и респонденты, отрицающие наличие подобного опыта, то есть не сталкивавшиеся с дискриминацией. Основанием для включения респондентов в первую группу являлось то, что они начинали

говорить о проблеме дискриминации по признаку этничности сами, не дожидаясь соответствующих вопросов интервьюера, что свидетельствует о значительной аффективной наполненности данной темы и значимости ее в жизненном опыте. Респонденты, составившие вторую подгруппу, не только не заговаривали сами об опыте дискриминации, но и отрицали его наличие в ответ на прямой вопрос исследователя. Каждую из подгрупп составили восемь человек. То, как распределились стратегии аккультурации, избранные респондентами двух выборок, представлено на рисунке 3.

Рисунок показывает, что паттерны аккультурационного поведения в двух группах респондентов оказываются практически зеркальными. У русскоговорящих иммигрантов, часто сталкивавшихся с дискриминацией по этническому признаку, наиболее распространенной стратегией аккультурации выступает сепарация; иммигранты, отрицающие опыт переживания дискриминации, чаще всего склонны прибегать к интеграции.

Выводы

Таким образом, у русскоговорящих иммигрантов, часто сталкивавшихся с дискриминацией по этническому признаку, очевидно страдает самоотношение, характер отношений на межличностном уровне с представителями принимающей культуры часто носит негативный характер, они испытывают отчуждение, а в системе общественных отношений наиболее распространенной стратегией аккультурации выступает сепарация. Иммигранты, не имеющие опыта переживания дискриминации, напротив, демонстрируют позитивное самовосприятие, говорят о расширении и усложнении своей

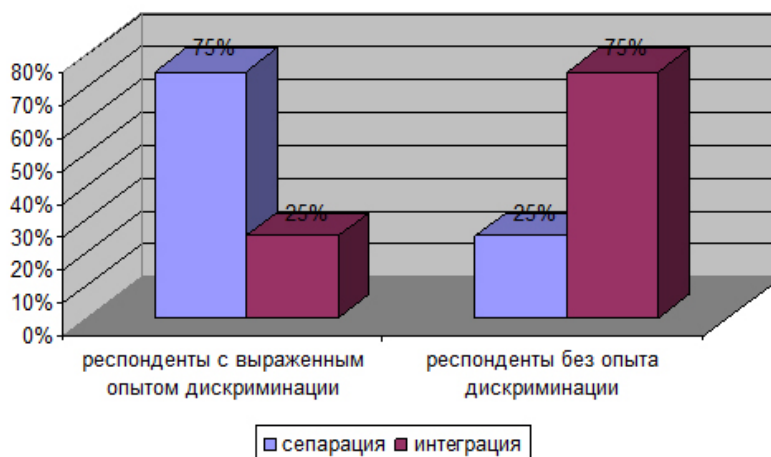

Рис. 3. Стратегии аккультурации, применяемые респондентами с различным по степени выраженности опытом переживания дискриминации по признаку этничности

идентификации, позитивно отзываются о характере межличностных отношений с представителями коренного населения, а на уровне общественных отношений чаще останавливаются на стратегии интеграции.

Можно сказать, что полученные нами данные подтверждают неоднократно описанный в ли-

тературе факт того, что переживание дискриминации по признаку этничности может снижать стремление иммигрантов интегрироваться в новое общество и, напротив, приводит к росту сепарационных тенденций (Piontkowski, Florack, Hoelker et al. 2000; Roytburd, Friedlander 2008; Zagefka, Brown 2002).

References

- Allison, K. W. (1998) Stress and oppressed social category membership. In: J. K. Swim, Ch. Stangor (eds.). *Prejudice. The target's perspective*. San Diego, CA: Academic Press, pp. 145–170. DOI: 10.1016/B978-012679130-3/50042-9 (In English)
- Bakker, W., van der Zee, K., van Oudenhoven, J. P. (2006) Personality and Dutch emigrants' reaction to acculturation strategies. *Journal of Applied Social Psychology*, vol. 36, no. 12, pp. 2864–2891. DOI: 10.1111/j.0021-9029.2006.00132.x (In English)
- Berry, J. W. (1980) Acculturation as varieties of adaptation. In: A. M. Padilla (ed.). *Acculturation: Theory, models and some new findings*. Boulder: Westview Press, pp. 9–25. (In English)
- Berry, J. W. (2005) Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 29, no. 6, pp. 697–712. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.013 (In English)
- Berry, J. W., Phinney, J. S., Sam, D. L., Vedder, P. (2006) Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, vol. 55, no. 3, pp. 303–332. DOI: 10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x (In English)
- Borders, A., Liang, C. T. H. (2011) Rumination partially mediates the associations between perceived ethnic discrimination, emotional distress, and aggression. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–133. DOI: 10.1037/a0023357 (In English)
- Brown, T. N. (2001) Measuring self-perceived racial and ethnic discrimination in social surveys. *Sociological Spectrum*, vol. 21, no. 3, pp. 377–392. DOI: 10.1080/027321701300202046 (In English)
- Bürgelt, P. T., Morgan, M., Pernice, R. (2008) Staying of returning: Premigration influences on the migration process of German migrants to New Zealand. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, vol. 18, no. 4, pp. 282–298. DOI: 10.1002/casp.924 (In English)
- Gomez, J., Miranda, R., Polanco, L. (2011) Acculturative stress, perceived discrimination, and vulnerability to suicide attempts among emerging adults. *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 40, pp. 1465–1476. DOI: 10.1007/s10964-011-9688-9 (In English)
- Harrell, J. P., Hall, S., Taliaferro, J. (2003) Physiological responses to racism and discrimination: An assessment of the evidence. *American Journal of Public Health*, vol. 93, no. 2, pp. 243–248. DOI: 10.2105/AJPH.93.2.243 (In English)
- Heim, D., Hunter, S. C., Jones, R. (2011) Perceived discrimination, identification, social capital and well-being: Relationships with physical health and psychological distress in a U.K. minority ethnic community sample. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 42, no. 7, pp. 1145–1164. DOI: 10.1177/0022022110383310 (In English)
- Hogan, B., Berry, B. (2011) Racial and ethnic biases in rental housing: An audit study of online apartment listings. *City & Community*, vol. 10, no. 4, pp. 351–372. DOI: 10.1111/j.1540-6040.2011.01376.x (In English)
- Jasinskaja-Lahti, I., Liebkind, K., Horenczyk, G., Schmitz, P. (2003) The interactive nature of acculturation: Perceived discrimination, acculturation attitudes and stress among young ethnic repatriates in Finland, Israel and Germany. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 27, no. 1, pp. 79–97. DOI: 10.1016/S0147-1767(02)00061-5 (In English)
- Jasinskaja-Lahti, I., Liebkind, K., Perhoniemi, R. (2007) Perceived ethnic discrimination at work and well-being of immigrants in Finland: The moderating role of employment status and work-specific group-level control beliefs. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 31, no. 2, pp. 223–242. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2006.02.003 (In English)
- Jasinskaja-Lahti, I., Liebkind, K., Solheim, E. (2009) To identify or not to identify? National disidentification as an alternative reaction to perceived ethnic discrimination. *Applied Psychology: An International Review*, vol. 58, no. 1, pp. 105–128. DOI: 10.1111/j.1464-0597.2008.00384.x (In English)
- Kaas, L., Manger, Ch. (2012) Ethnic discrimination in Germany's labour market: A field experiment. *German Economic Review*, vol. 13, no. 1, pp. 1–20. DOI: 10.1111/j.1468-0475.2011.00538.x (In English)
- Lepshokova, Z., Lebedeva, N. (2016) Vosprinimaemaya discriminatsiya i akkulturationsiya russkikh na Severnom Kavkaze (nesovmestimost' etnicheskoj i regional'noj identichnostej) [Perceived discrimination and acculturation of Russians in the North Caucasus: The role of ethnic and regional identity incompatibility]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, vol. 6, pp. 125–138. (In Russian)

- Levin, M., Shilova, N. (2012) Discriminatsiya po etnicheskomu priznaku kak sledstvie ksenofobii [Ethnic discrimination as a result of xenophobia]. *Ekonomicheskaya politika — Economical Policy*, vol. 6, pp. 171–179. (In Russian)
- Lopez-Class, M., Castro, F. G., Ramirez, A. G. (2011) Conceptions of acculturation: A review and statement of critical issues. *Social Science & Medicine*, vol. 72, no. 9, pp. 1555–1562. DOI: 10.1016/j.socscimed.2011.03.011 (In English)
- McGinnity, F., Lunn, P. D. (2011) Measuring discrimination facing ethnic minority job applicants: An Irish experiment. *Work, Employment and Society*, vol. 25, no. 4, pp. 693–708. DOI: 10.1177/0950017011419722 (In English)
- Myrick, S. E., Martorell, G. A. (2011) Sticks and stones may break my bones: Protective factors for the effects of perceived discrimination on social competence in adolescence. *Personal Relationships*, vol. 18, no. 3, pp. 487–501. DOI: 10.1111/j.1475-6811.2010.01320.x (In English)
- Nesdale, D. (2002) Acculturation attitudes and the ethnic and host-country identification of immigrants. *Journal of Applied Social Psychology*, vol. 32, no. 7, pp. 1488–1507. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2002.tb01448.x (In English)
- Panferov, V. N. (2009) Tekhnologicheskie aspekty sotsialnogo vzaimodeistvia [Technological aspects of social interaction]. In: *Psikhologiya chelovecheskich otnoshenij. Izbrannoe [Psychology of human relations. Selected works]*. Saint Petersburg: ANO “IPP”, pp. 446–474 p. (In Russian)
- Piontkowski, U., Florack, A., Hoelker, P., Obdrzálek, P. (2000) Predicting acculturation attitudes of dominant and non-dominant groups. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 24, no. 1, pp. 1–26. DOI: 10.1016/S0147-1767(99)00020-6 (In English)
- Redfield, R., Linton, R., Herskovits, M. J. (1936) Memorandum on the study of acculturation. *American Anthropologist*, vol. 38, no. 1, pp. 149–152. (In English)
- Roccas, S., Horenczyk, G., Schwartz, S. H. (2000) Acculturation discrepancies and well-being: The moderating role of conformity. *European Journal of Social Psychology*, vol. 30, no. 3, pp. 323–334. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(200005/06)30:3<323::AID-EJSP992>3.0.CO;2-5 (In English)
- Roytburd, L., Friedlander, M. L. (2008) Predictors of Soviet Jewish refugees’ acculturation: Differentiation of self and acculturative stress. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, vol. 14, no. 1, pp. 67–74. DOI: 10.1037/1099-9809.14.1.67 (In English)
- Safdar, S., Calvez, S., Lewis, J. R. (2012) Multi-group analysis of the MIDA model: Acculturation of Indian and Russian immigrants to Canada. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 36, no. 2, pp. 200–212. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2011.11.006 (In English)
- Sam, D. L., Berry, J. W. (1995) Acculturative stress among young immigrants in Norway. *Scandinavian Journal of Psychology*, vol. 36, no. 1, pp. 10–24. DOI: 10.1111/j.1467-9450.1995.tb00964.x (In English)
- Schaafsma, J. (2011) Discrimination and subjective well-being: The moderating roles of identification with the heritage group and the host majority group. *European Journal of Social Psychology*, vol. 41, no. 6, pp. 786–795. DOI: 10.1002/ejsp.825 (In English)
- Shin, J. Y., D’Antonio, E., Son, H. et al. (2011) Bulling and discrimination experience among Korean-American adolescents. *Journal of Adolescence*, vol. 34, no. 5, pp. 873–883. DOI: 10.1016/j.adolescence.2011.01.004 (In English)
- Tartakovsky, E. (2012) Factors affecting immigrants’ acculturation intentions: A theoretical model and its assessment among adolescent immigrants from Russia and Ukraine in Israel. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 36, no. 1, pp. 83–99. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2011.02.003 (In English)
- Tiboulet, M., Dambun, M., Turret, I., Uhlen, D. (2012) La discrimination ethnique à l’emploi: Le rôle des préjugés, du contact intergroupe et des orientations d’acculturation [Employment discrimination toward ethnic minorities: The role of prejudice, intergroup contact and acculturation orientations]. *Revue Européenne de Psychologie Appliquée — European Review of Applied Psychology*, vol. 62, no. 1, pp. 37–45. DOI: 10.1016/j.erap.2011.11.001 (In French)
- Williams, D. R., Neighbors, H. W., Jackson, J. S. (2003) Racial/ethnic discrimination and health: Findings from community studies. *American Journal of Public Health*, vol. 93, no. 2, pp. 200–208. DOI: 10.2105/AJPH.93.2.200 (In English)
- Wrench, J. (2011) Data on discrimination in EU countries: Statistics, research and drive for comparability. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 34, no. 10, pp. 1715–1730. DOI: 10.1080/01419870.2010.539701 (In English)
- Yijälä, A., Jasinskaja-Lahti, I. (2010) Pre-migration acculturation attitudes among potential ethnic migrants from Russia to Finland. *International Journal of Intercultural Relations*, vol. 34, no. 4, pp. 326–339. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2009.09.002 (In English)
- Zagefka, H., Brown, R. (2002) The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: Immigrant-majority relations in Germany. *European Journal of Social Psychology*, vol. 32, no. 2, pp. 171–188. DOI: 10.1002/ejsp.73 (In English)